

Он повязывал на шею тонкий батистовый платок, на манер английских миллионеров. Рубаху заправлял в узкие джинсы, а джинсы – в ковбойские сапоги. Он никогда не охотился, но ему нравилось выходить из клуба с коротким ружьем наперевес и останавливаться, чтобы надеть шляпу. Ему нравились аккуратные длинноногие стюардессы, затянутые в сексуальные костюмы, и то, что они постоянно менялись. И темная бильярдная с длинной барной стойкой на въезде в город, куда он этих стюардесс возил. Татуированный бармен наливал ему ледяной гранатовый сок в низкий тяжелый бокал из-под виски. Степка крутил бокал в руке и смаковал – пил мелкими глотками, поглядывая на грудь или ножки смущенной стюардессы. Иронично улыбался. Ему нравилось, что работает он в аэропорту, и то, как упруго вздрагивает тягач под тяжестью самолета, и то, что можно бросить небрежно какому-нибудь новичку в клубе:

– Я? Да так, самолеты в аэропорту таскаю...

И украдкой подсмотреть, как медленно образуется уважение на лице нового знакомого.

Но больше всего на свете Степка обожал свой пикап. Это был старый огромный американец, совсем как в кино про ранчо, и когда Степка увидел его на сайте, то ахнул от изумления и, даже не посмотрев на цену, мысленно продал уже и свою квартиру, и мамину дачу, и саму маму, и душу дьяволу. Пикап, однако, оказался недорогим – он принадлежал владельцу мебельной мастерской, который раньше много ездил по лесозаготовкам и сам отбирал древесину, а теперь вышел на пенсию и решил продать забарахлившего друга – пикап жрал почти двадцать и запчасти для него нужно было заказывать из Америки. Степку это, однако, не остановило, он вложил в ремонт все свои сбережения и попытался влиться в тусовку автогонщиков, которые соревновались на трассе у аэропорта.

Явление такого динозавра стало для местных настоящим событием, однако в соревнованиях Степка поучаствовал только однажды. На старте, пока усаженные гоночные седаны ревели и фыркали, набирая обороты, пикап мерно гудел, будто игнорируя недостойную внимания мелочь. Машины рванули и вылетели, надсадно гудя, взвизгивая тормозами и дымя плавящейся резиной. А тяжелый пикап медленно пошел вперед, как набирающий скорость локомотив, и заметно отстал, что вызвало взрыв хохота и аплодисменты. Однако через пару километров гоночные машины зависли примерно на одном уровне, выжав из двигателей всю мощь, а пикап продолжил разгон. Его было уже

не остановить – он, будто собирался набирать скорость до бесконечности, неловко вваливаясь в повороты, и почти не касаясь земли. Степка онемел от восторга – ему казалось, что он летит над дорогой на тяжелом пушечном ядре. С легкостью обойдя всех почти на полкруга, Степка нажал тормоз, и чуть не ударился лбом о руль. Это было так резко, будто бы асфальт под колесами сморщился как покрывало и не пустил дальше. Ошалевшие зрители молчали. Степка тоже молчал. Гордился.

Свидетели его победы сигналили ему при встрече и улыбались, Степка чинно кивал и ласково поглаживал руль. Пикап он мыл постоянно, сам, нежно натирал лаком и сбрызгивал лобовое стекло спреем от запотевания.

Мужики в аэропорту посмеивались над Степкой, звали осеменителем, мустангом, ряженым и даже красоткой, но Степка в ответ добродушно улыбался. Он-то знал, что каждый из этих издерганных женами и детьми мужиков, не задумываясь поменялся бы с ним. И в этом он был почти прав. Несмотря на то, что в глаза мужики постоянно вышучивали Степку, считая его нелепым и по-детски наивным, в глубине души они уважали его. Уважали за смелость, с которой он так бессовестно наряжается, за его бесконечные интрижки, и даже за сапоги на каблуке, вызывавшие больше всего насмешек.

Мама сначала пыталась устыдить Степку, мол, ерунда у него в голове – шмотки странные, трактор этот дурацкий, женился бы давно, внуками ее порадовал. Но Степка жениться не собирался – вспоминал отца, который перебирая в гараже старый жигуль, изредка брал в руки облупившуюся гитару и побренькивал, стыдясь даже не маленького Степку, а своего блеклого отражения на мутной поверхности левого крыла. Степка так не хотел. Степка хотел красиво.

Как-то утром, собираясь оттащить очередной боинг на взлетную полосу, Степка услышал отбой. ЧС – у одного из самолетов заклинило переднее шасси, и он кружит над городом – забегали сотрудники, на полосу медленно выкатились скорые и замигали, нагнетая. Степка поддавшись общей панике, вбежал в аэропорт. В зале прилета встречали – бродил паренек с букетом, скучала девушка с табличкой, и молодой отец пытался уговорить расшалившегося малыша, повторяя на разные лады:

– Сейчас мама прилетит. Слышишь? Мама прилетит. Соскучился по маме?

Степка уже вбежал в диспетчерскую, где метались техники, не понимая, что предпринять, а в голове еще звучал этот успокоительный голос. «Мама прилетит». Мама не прилетит. Никто уже никуда не прилетит, потому что горячего нет, шасси заклинило, а у пилота третий вылет.

Пилот, выполнявший указания техников, повторял безнадежным голосом:

– Нет. Нет. Не выезжает. Нет. Так тоже нет.

Молодая девушка у экрана всхлипнула в образовавшейся тишине, а дежурный метался между экранами и кричал:

– Тэ шесть надо! Тэ шесть освободите! Т шесть! Даже если промажет, чтобы в ангар. В ангар надо, там эстакада левее.

– Да сказали уже, – отмахнулся старый и отвернулся от экрана.

Степка почувствовал вдруг, что вот он – его шанс. Может, он и рожден был на этом свете только для того, чтобы сейчас совершить подвиг. Самый настоящий подвиг, как в кино. Спасти всех, и возможно, героически погибнуть.

– Мужики, а пусть он мне в кузов сядет, а? Я поймаю. Я перед самолетом разгонюсь, и он вместо шасси... – сказал Степка и сам почувствовал, что говорит ерунду.

На него обернулись как на дурачка, который по незнанию глумится над чужим горем, и больше не слушали.

Степка медленно вышел в зал прилета – кто-то уже позвонил, и в зале рыдали. Притихший малыш испуганно смотрел на побелевшего отца, не сводившего взгляда с табло.

Степка резко успокоился – всегда же так, герой хочет поступить правильно, по совести, но над ним смеются, и тогда он, преодолевая опасность, и наплевав на их мнение...

Уже сам ничего не понимая, Степка выскочил на улицу. Пикап рванул с места и помчался к Т6. Самой длинной аварийной полосе. Самолет плавно шел на посадку, стараясь сесть почти по касательной, чтобы максимально сбросить скорость. Степка круто развернулся, чуть не завалившись на бок, и помчался по полосе. В радиии раздались истошные крики диспетчеров и растерянный голос пилота:

– Да я же раздавлю его...

– Садись!!! – заорал Степка в радию и отключился.

Он расперся локтями между дверцей и подлокотником и выжал газ. Сверху на него медленно напозла огромная тень самолета. Пикап разогнал и, надрываясь поршнями, помчался по полосе. Степка нажал кнопку круиз-контроля, сполз, фиксируя руль еще и коленями. Зажмурился.

Он ожидал сильного удара сверху, но то, что произошло, трудно было объяснить. Рев самолета оглушил, и стало так больно, будто в уши затекло раскаленное масло. Потом стало еще громче – раздался звук удара, скрежет железа по железу, пикап сзади шибануло по кабине, дернуло и

порвало. Он просел, вильнул, и пополз, будто вкапываясь в землю. Дальше Степка уже не понимал, он подумал, что умер и мгновенно окостенел, и это хорошо – потому что они несутся вперед, и пикап не виляет.

Когда все закончилось, и к ним подбежали, контуженый Степка уже выбрался из покореженной машины и лежал на земле. Одной рукой он зажимал ухо, а второй бережно, будто боясь сделать больно, поглаживал пикап по лопнувшему вывернутому колесу – оси тоже погнуло.

– Ты целый? Целый? – заорал ему врач, но Степка не услышал.

– Порвало, – прошептал он сипло, – Раму порвало. Звук какой был, а...

И зарыдал.

Слух к Степке вскоре вернулся. На работе его встречали воздушными шарами, как героя крутого боевика, аплодировали и награждали, но Степка почему-то мялся в углу и косо посматривал на свое отражение в стекле. На работу он приехал в обычной человеческой одежде. На автобусе.